

ЗАВИСТЬ

Знающий меру, доволен своим положением.

ЛАО-ЦЗЫ

Яркий луч, не остановленный шторой, заставил зажмуриться и спугнул сон. Комфортного перехода ото сна к яви не было. Привычное раздражение уже караулило у изголовья.

Солнечные брызги отражались в зеркалах и хрустальных подвесках светильников, озорно осыпаясь на причудливо выложенные мраморные плиты, еще не все заставленные бесчисленными произведениями искусства. Из всех знакомых чувств и эмоций одна она обладала таким роскошным особняком, заполненным немислимым количеством воплощенных желаний. Все диковинное, что появлялось там, приносило лишь короткое удовлетворение, которое тут же сменялось алчным стремлением заполучить чего-то другое.

Залетевшая оса, привлеченная пряным запахом изысканных букетов, досаждала жужжанием. Будто нарочно из парка в раскрытые окна вторил ей стрекот газонокосилки, распугавший привычное кваканье любимых жаб. Словом, день не задался. Бледно-зеленоватый цвет лица, вечно поджатая ниточка губ выигрышной смотрелись в хмурую пасмурную погоду. Недовольство было обычным состоянием вот уже не одну тысячу лет. Не то чтобы возраст сказывался – по сию пору востребована и актуальна. Мало кто мог бы похвастаться таким количеством поклонников.

Первым, кого она увлекла, был Люцифер. Вскоре за ним последовал смуглый, черноволосый с недобрым прищуром завидующих глаз – Каин, посчитавший, что его жертвоприношение не было оценено по достоинству, и так позавидовавший своему добродушному брату Авелю, что переступил границу Согласия с Богом, став первым братоубийцей. Ну а дальше уже и остальные пошли чередом. К примеру, братья, продавшие Иосифа в рабство, Сальери, не простивший Моцарту гениальности, плеяда коронованных особ и не только, из зависти совершивших убийства родственников, чтобы завладеть тронном. Покопавшись в памяти можно вы-

тащить множество воспоминаний, когда от зависти люди творили беззакония, в первую очередь по отношению к своим бессмертным душам.

Зависти нравилось считать себя неотъемлемой частью человеческой природы, одной из востребованных чувств. Она и ее свита, состоящая из ненависти, предательства, интриг, сожалений о чужом благе, раздражения и уныния, на протяжении веков наполняли сердца и души людей. И получалось, что все в той или иной степени подвержены этому греху. Ведь только самодостаточный человек может жить, не сравнивая себя с кем-то: свои успехи – с чужими, свои достоинства – с достоинствами других людей. А у остальных всегда найдется какое-то количество потребностей, которые проблемно удовлетворить, или амбиций, страдающих от чужого превосходства. Тут же спешит на помощь эгоизм, убеждающий, что промахи и недостатки не от собственной слабости и лени, а от несправедливости судьбы, которая вместо нас почему-то благодетельствовала других.

Может, потому и долгожительствует коварная Зависть, оттого что с лихвой питается энергиями неиссякаемых эмоций своих подопечных, им самим сокращая отмеренное время пребывания в жизни, о чем многие так и остаются в неведении. А она смакует ощущения, которыми беспрерывно наполняется. Их предостаточно: кого-то мучит зависть к одаренному таланту, у кого-то – скорбь по благополучию успешных, кто-то, отягощенный комплексами под завязку, завидует легкости окружающих, кто-то изнывает от зависти к красоте или гармоничным отношениям, а кого-то просто слепит от радости счастливых людей, грызут достижения других.

Зависть ненасытна и всеядна. Скажем, для нее обычное чувство зависти в какой-нибудь социальной сети к успешной эмиграции – это что-то вроде порции традиционной овсянки у англичан. Или взращиваемые телевизионной рекламой завистливые желания навязываемых товаров – как неременная чашка утреннего кофе. Достаточно постная пища – обычная зависть к благополучию соседа, недруга.

Однако Зависти по душе было изысканное лакомство – когда кто-то заставлял завидовать себе, стараясь вызвать восхищение у других или доверительными речами возмущать спокойствие в их душах. К примеру, мало супермодели заставить каких-то толстущек завидовать ее стройной фигуре, а вот довести до булемии своих коллег по цеху – изыск – как необычный острый вкус – имбирь в шоколаде. Или взять политика, окрыленного подскочившим рейтингом, вызывающего до инфаркта острейшее чувство зависти у доселе успешного соперника, но споткнувшегося на каких-нибудь реформах. К таким Зависть питала особую трепетную слабость. Они приносили в ее жизнь моменты возбуждения. Априори радости или праздника не было в ее природе.

Нора, рано потерявшая мать, а потом равнодушно покинутая отцом, уступившим ее бабушке, уже с детства выковывала характер. Она соответствовала своему северному имени сдержанностью и невозмутимостью. Ее красивые голубые глаза сразу привлекали к себе внимание. Однако кроме непреклонной воли, они ничего не выражали. Чтобы не поддаваться зависти к семьям подружек, она пестовала свой перфекционизм. Во всем желала быть лучшей, чтобы завидовали другие родители, не имевшие такого ребенка. И окружение завидовало ее способностям к языкам, музыке, танцам, позже – шарму и тонкому, пожалуй, врожденному вкусу.

Для нее стремление к совершенству виделось развитием талантов и дарований, а вовсе не добродетелей. Книгу-бестселлер старалась прочитать запоем в одночасье, фильм, спектакль увидеть непременно в премьеры, чтобы успеть блеснуть информацией в разговоре, заставив других завистливо умолкнуть от ее осведомленности. У мужчин старалась вызвать зависть-сравнение с их менее яркими и интересными спутницами.

Любая вещь: наряд, украшения выбирались даже не от того, что желанны, а чтобы вызвать восхищение у приятельниц, окружения. Она тем самым, не осознавая, похищала у них необходимую ей энергию для жизни, которая, впрочем, как и деньги, словно утекала сквозь пальцы. Это подстегивало к новым провокациям.

Завышенные требования к окружающим, дисбаланс в оценке себя и других, повышенное внимание к мелочам, потребность соответствовать стандартам моды, ожиданиям других людей забирали столько энергии, что Нора часто чувствовала себя просто опустошенной. Свои случающиеся неприятности, болезни, неурядицы объясняла исключительно сглазами, порчей и прочими воздействиями-кознями со стороны, не давая труда задуматься, что сама же спровоцировала их.

Выстроенный в мечтах брак не сложился. Муж оказался несостоятельным ни в социальном статусе, ни в материальном плане. Но, даже оставшись одна с ребенком, Нора сумела в кругу своих приятельниц заставить завидовать своей обретенной свободе от супружества. Воспитание сына препоручила все той же бабушке.

Постоянные разъезды по делам фирмы с параллельным обучением на различных курсах – от банковских, менеджмента до социологических и тантры-йоги – снабжали новыми знакомствами и заметными финансовыми бонусами. Собственно оплату ее прекрасной квартиры перенимали по очереди кто-то из близких друзей.

Хищница. Дерзкая, решительная. Запросто выводящая из равновесия кого угодно.

Многочисленных поклонников безгранично удивляло, когда за внешним хладнокровием, вдруг обнаруживалась повышенная сексуальность, всепоглощающая страсть. Но как быстро она загоралась, то так же быстро остывала. Раскусивших ее мужчин списывала в разряд неудачников, не сумевших удержаться на уровне ее запросов. Временами даже не знала чем более огорчаться: несладывающимися длительными отношениями с мужчинами или отсутствием зависти у таких же одиноких разведенных подруг.

Годы шли, почти не отражаясь на Норе, что еще более подпитывало желание, как можно дольше удерживаться привлекательной ягодкой под сорок пять среди завистливых взглядов, оценок. Правда, стремления эти затягивали в плен разнообразных косметических манипуляций, оплаты которых собирались во внушительную сумму долгов.

Вскоре здоровье начало давать сбои. Амбициозность и перфекционизм, соперничество и доминирование часто вызывали гнев по отношению к окружающим, родным и оплачивались изнуряющей мигренью. Именно в ней укрылась не выплеснутая, подавленная агрессия. Как говаривал один светило-психоаналитик: «Мигрень служит „сокрытию душевных конфликтов»».

Еще в юности у горячки начала побаливать спина. А все от боязни быть несовершенной, не оправдать ожидания. Через пару лет после расставания с мужем появилась молочница, ставшая ее многолетним бичом. Некому было сказать, что это тоже может быть следствием часто подавляемого гнева, особенно когда очень высока значимость чужой оценки. Ее переживания из-за недополучения каких-то дивидендов от жизни становились препятствием в проявлении собственной сексуальности. Оттого давно уже не удавалось создавать отношения, приносящие чувственное удовольствие.

Работа, учеба, разъезды, лечение, косметические старания, поиски интересных состоятельных партнеров, достаточно редкая телефонная связь с бабушкой и сыном – суматошная ярмарочная карусель жизни. Убыстряется темп, мелькание, чаще досада на отсутствие какого-то надежного плеча, завистливая тоска по желаемому социальному статусу. Ясно, что не ожидался принц на белом коне, но непременно хотя бы с собственной конюшней. И непременно – обеспеченный, образованный, привлекательной внешности с косою саженью в плечах, буграми мускулов, жгучим взглядом мачо. Только вот все вместе никак не фокусировалось. То с деньгами – но урод и жмот, то красавец – но мот, то образованный – но с комплексами и не обеспеченный.

Вскоре в ход пошли радикальные меры: свахи из интернета. Приходилось наступать себе на горло, подальше прятать оскорбленную гордыню, унижительно заискивать. Но умудрялась и у свах вызывать зависть, вытягивая потом «пустой билет».

И вот «выстрелило». Богач, высокого социального статуса, образован и не так уж уродлив, староват, правда, – по информации свахи. А от знакомых – слухи о его чрезмерном патологическом эгоизме, неуживчивости, отсутствии мужской привлекательности,

возрастных проблемах, об упрямой в психушку прежней жене. Так может, это говорилось из зависти к ее необычайно лакомому выигрышу в этой жизненной лотерее?..

Началась смертельная схватка между расчетливым разумом и имеющей опыт ошибок интуицией. Когда в одном из раундов первый победил, Нора отправилась на свидание. При ближайшем рассмотрении баловень судьбы оказался с мало скрываемыми изъянами. Заметно стар, но не утративший лоска, отменный эгоист, требующий всецелого внимания за свои деньги, слабоват как мужчина и совершенно не озабоченный произведением впечатления хорошими манерами.

Наивная самоуверенность Норы – пробовать изменить его под себя, свои принципы – стоила ей мучительных раздумий и жутких приступов мигрени. И опять же разум убедил согласиться принять предложение пожить на его вилле на Тенерифе. Нора уже побывала на Гран Канария, Фиджи, Майами, Таити. Ох, как нравились ей эти престижные места отдыха, тешили ее самолюбие. А потом, рассказывая о фееричном отдыхе приятельницам, наблюдала, как их душили жабы. Долгий перелет, масса впечатлений заполнили и где-то заретушировали капризы Донжуана в дороге, проявленную мелочность по отношению к ее нуждам, особенно на фоне внушительных покупок вещей для себя.

Вилла неожиданно оказалась большим поместьем, занимавшим свыше пары сотен гектар. Новый шикарный дом с огромным садом на берегу океана казался сказочным еще и потому, что практически все стены в нем были стеклянные – даже ванны и туалетные комнаты. Причуда владельца. Экстраверт. Ни намек на желание уединения. У него к спутнице и требования были непременно постоянного присутствия рядом. И за это он был готов платить.

Охваченная восторгом Нора примерила на себя роль Шехеризады: ее разговорчивость как нигде оказалась к месту, а достаточно обширные энциклопедические знания делали приятной собеседницей. Однако многочасовые общения утомляли. Впрочем, молчание компаньонки его также устраивало. Достаточно, что сидела рядом, могла прикоснуться к нему, даже погладить.

Для Норы стало огромным испытанием постоянное нахождение в поле его зрения. Раз, чудом вырвавшись одна на несколько минут в сад, вдруг почувствовала истинно райское наслаждение: благоухание роскошных орхидей, шум волн, вид увешенных плодами экзотических деревьев манго, папайи, авокадо, банана и знакомых – цитрусовых, айвы и яблок. А когда быстро стемнело, была в изумлении от огромных, будто наклеенных на небосвод, мерцающих звезд. Много где побывала, но такую красоту видела впервые. От мысли, что это будут ее владения, кружилась голова, сердце трепетало и было готово тут же позабыть и зловерность хозяина, и требования его ублажения.

Это было сказочно, рай в понимании Норы. Представляла себя такой голливудской звездой в изысканном окружении. Но рядом только собственные чувства и эмоции, и ни одной пары завидующих глаз! Некому рассказать, не с кем поделиться свалившимся счастьем. Досада... раздражение... Злость и ненависть, неожиданно возникшие, как только этот напыщенный индюк начал звать ее в дом. А ей казалось, что с ним можно будет играть, как с котенком, ведь арсенал женских хитростей и уловок был велик. Но Повелитель все это в расчет не брал. Ему и в голову не приходило, что дама желала бы ухаживания, милых знаков внимания в виде безделушек, сувениров, подарков, да хотя бы цветов. Избранница просто должна быть благодарна ему.

Нора впервые испытала диктат, жесткий надзор, узду и хомут на ее вольное только себялюбивое Эго. Пробовала капризы – глухо. Прогулки в торговые центры заканчивались выполнением исключительно его прихотей. Когда бывали в ресторане, он заказывал, не спрашивая, все по своему вкусу. Если она пробовала отказаться, жестко требовал разделять уже оплаченную им трапезу, следовать его желаниям. Где уж тут мечты о галантном кавалере, ухаживающем за дамой, о правилах хорошего тона, о времени в кругу приличного общества...

Ее понимание – как должен вести себя воспитанный мужчина – шло в разрез с его поведением. Да и почему, собственно, он должен меняться: менять свои привычки и поступки, пристраиваться

к ней? За его деньги он оправданно желал делать, что ему нравится, не беря на себя труда задумываться о ее чаяниях, ее мнении.

Свои негодования Норе пока удавалось утихомиривать мыслью, что любая другая женщина на что угодно согласится на ее месте. Она же – женщина иная. Противоречива, трудно предсказуема. Уверена в своей силе, но хочет быть слабой. Служа Шехерезадой, хочет чувствовать себя королевой Англии. Жаждет денег и легкости их трат, и не считает, что за них надо прислуживать. Служить – в высоком идеализированном понятии, разрешать себя облагодетельствовать, а не быть в услужении, как чеховская Душечка жить чужими интересами. Конечно, человек ко всему привыкает. Что казалось источником счастья, пока этим не обладаешь, перестало быть таковым, стоило лишь этого достичь. Воистину – к чему бы человек ни стремился – он не достигает того счастья, которое обещало ему собственное воображение.

В Норе еще оставалась тоска по неиспытанной, но о которой так многое известно, любви. Да и отношения были у них вовсе не любовников, а господина и наложницы. Совершенно ленивый, лысеющий, самовлюбленный мужик с вульгарным пивным животиком. Ей приходилось и стоило больших усилий разогревать его такую же скучающую плоть в единственно удобной для него позе лежа на спине, так как в положении сверху намного больше работы, просто неприемлемой для эгоиста. Как часто хотелось ей послать его куда подальше, но тут же мысль о долгах, которые посулили закрыть, оплатить, делала покладистой, сговорчивой и терпеливой. Унизительное чувство прислуги. Ему это было не ведомо и даже не интересно. Таковы реалии.

Ох, как претило ее гордыне походить на тех женщин, которых немцы привозили из вояжей в юго-восточную Азию. Такая жена-рабыня не понимала иной жизни, кроме как ублажать господина. Поначалу одна в совершенно чуждом незнакомом ей мире, она потом вытаскивала свою семью в Европу, если получалось надолго удержать мужа. Эти браки обрастали новым поколением, но едва оставались долгими. Море салонов с услугами тайского массажа, тантра-йоги и прочим – наблюдаемое последствие.

Совсем иной вариант – славянские женщины, особенно с бывшей советской стороны. Красота, бабья привязанность, пусть и меркантильная поначалу, домовитость – вне сомнения дают им фору перед соперницами. Домохозяйка-домработница-любовница в одном флаконе.

Все же у Норы хватило терпения дожидаться конца срока пребывания в этом раю. Хотя поспешность, с какой покидала это райское место, стоила нескольких забытых вещей. Самолюбие подогревалось мыслью, что, как оказалось, ее предшественница, тоже русская, не выдержав, сбежала до конца срока контракта.

Поглядывая время от времени в иллюминатор, Нора силилась найти решение: менять ли свободную устроенную под свое эго жизнь на такое со стороны пленительное райское существование, хотя, по сути, – неволю. «За» и «против» раскачивали психику. Очень хотелось спихнуть решение головоломки на кого-нибудь. Но ближайшие друзья, как и родственники, отчасти ослепленные перспективами ее такого сказочного будущего, отчасти вздохнувшие от необходимости постоянного финансового участия в ее судьбе, уходили от обсуждения возникшего перед ней выбора.

Сама Нора вела себя как маленький ребенок, готовый зажмуриться, чтобы не видеть того, что пугает. Женщина, ценившая только прелесть материального благополучия. Эгоистка, недовольно латающая стены своего укрепленного самолюбия, уставшая от всевозрастающих долгов, стареющая больше от бытовых осечек женщина. Временами накатывало сполохами возмущение: обещание погасить ее долги обернулось пустяковыми сувенирами, особенно унижающими амбиции утонченными изысками декоратора своей жизни.

Возвращение в будни совпало с предрождественскими холодами, неприятностями в среде завистливых коллег. Опять сигналоло здоровье. И очередная мигрень подтвердила, что проблему за чужой счет решить не удалось. Созревшее было решение проститься с толстосумом, вдруг сменялось прострацией... ступорило.

Близился к завершению еще один год. И под занавес – очередной ее день рождения, неотвратимо прибавляющий к возрасту и

уменьшающий надежду на шанс все же сорвать джек-пот. Время настойчиво требует погашения долгов. Чаше появляются мысли – что-то неладно с принципами ее жизни, стремлением осуществить свою волю наперекор всему. Откуда-то в душу идет подсказка, что нужное ей в жизни уже дано. А это гордыня и зависть будоражат желанием обладать тем, что другому дается по судьбе. Горечь осознания все же, как и горькое лекарство, врачует, хотя и пугает новизной.

Вибрации страха Норы мешают Зависти вкушать доселе лакомые эмоции. Уж больно не хочется делить Нору с кем-то еще, и новыми порциями досады спешит поддержать тлеющий эгоизм в любимице.

Вот и Сочельник. Без радости, хотя и не одна, – рядом сидит давний самый терпеливый друг и в очередной раз пытается изыскать возможность помочь ей чем-нибудь. И ему она должна не меньше, чем другим. Стервозность внезапно просыпается. Нора требует ключи от его машины и тут же просит его немедленно отвезти в другой город. Что там пара сотня километров по автобану... В голове всю дорогу крутятся воспоминания последнего романа, вспыхивают надежды. Нора глушит возникающие сомнения: этот старый павиан позвонил спросить о рекомендованном ею лекарстве, но не позвал на рождественский праздник; напомнил ей про забытые на вилле вещи, но и не упомянул про не отданные ключи от его городской квартиры.

Тут вдруг заметила, что сухой с поземкой автобан сменили сугробы на освещенных рождественскими огнями улицах.

Оставив приятеля в недоумении: то ли дожидаться ее возвращения, то ли нет, она тайфуном пронеслась мимо выходящей из подъезда компании. Влетев в квартиру, споткнулась о разбросанные по полу дамские вещи. Боковым зрением отметила трепетание свечей на елке, уже разоренный уставленный кулинарными изысками стол, прежде чем увидела в темном экране огромного телевизора отражения приглушенного света роскошной люстры и топлес активно покачивающейся роскошной блондинки.

Внезапное появление Норы почти не смутило, хотя и застало врасплох. Завистливое негодование разбудило фурию. Неистово швырнув ключи, с хохотом, казавшимся только ей гомерическим, она захлопнула теперь уже навсегда дверь в ставшее недосягаемым сказочное будущее.

Пожелавший ей мысленно счастливого рождества, друг собирался пристегнуться ремнем безопасности, когда она, ворвавшись в салон со стороны водителя, резко отпихнула его, увлекая машину в водоворот своих эмоций. Слезы жгли ресницы, щеки, оседали солью на закушенных губах. В ушах стоял дикий шум – бешено пульсировала кровь. Казалось, смеялись над нею все – некогда обиженные, раздосадованные, злые на нее. И как в немом кино видела только шевелящиеся губы приятеля и круглые размером в блюдца глаза. Вокруг словно сговорились причинить ей боль: и дома, украшенные рождественскими гирляндами, со счастливыми обитателями, и резкие порывы штормового ветра, поднимавшие завесой снежную пелену, и неожиданно возникший, освещенный светом фар, запрещающий знак на переезде...

Зависть алчно упивалась таким бурлящим безудержным фонтаном эмоций.

Оглушающая острая боль в висок, куда там до нее мигрени – и бездонная ночь как там, на островах с мириадами звезд... тьма...

– Господи, прости меня! Спаси и сохрани моего друга! – была последняя мысль, догоняющая душу, исчезающую в тоннеле со сверкающим выходом...

Но вдруг яркий выход стал быстро удаляться, заканчиваясь мерцающей точкой. Что-то легким морским бризом или перьевым опахалом прошелестело над ухом. Осязаемая защита стала окутывать пушистым покрывалом. Растворялась боль. Нора, истерзанная донельзя своим характером, вдруг ощутила такое умиротворение, волшебную любовь, никогда ранее не испытанное чувство. Душа,

иссохшая, опустошенная Завистью устремилась, потянулась к этому животворящему источнику.

– Все будет хорошо. Ты справишься. Ты дашь себе шанс впустить счастье в свою жизнь. И я всегда рядом с тобой! – Ангел-Хранитель мягкими волнами утешения лечил ее израненную, изъеденную раздражением, словно молью, покусанную обидами, претензиями душу, а совсем не тело, на удивление ничуть не пострадавшее в аварии.

Рядом в недоумении хлопотала Зависть, позеленевшая еще более от необходимости уступить этому Спасителю свою любимицу. С большой неохотой, в раздражении от того, что ею пренебрегли, она все же отступила. Пусть на этот раз она проиграла. У нее уже были опыты встреч с ангелами-хранителями, хотя не каждому удавалось очистить своего подопечного от греха зависти. Да, ладно! Без дела и армии поклонников не останется. Внешний мир не позволит людям окончательно удовлетворить свое чувство зависти. Не так-то просто перестать цепляться за собственные желания и обрести независимость от этих желаний. Зависть не поддается насыщению.

Видимо, в момент встречи со своим ангелом у Норы произошел еще и какой-то квантовый скачок ее сознания. Гордыня всю жизнь, доселе служившая опорой и питавшая зависть, оказалась деструктивной силой, едва не погубив. Потому и Зависть имела над ней власть, пока у Норы были убеждения в несправедливости к ней жизни, претензии ко всему. Только сейчас душа, собирающая в короб опыт всего приключившегося с ней, могла увидеть то, что прежде было запрятано в одежды эгоизма, корысти, перфекционизма и самопревосходства.

Вот она истина. Каждому дается такой шанс для осмысления. Определена ахиллесова пята, назван враг – Зависть. И она отступит, уберется, исчезнет, как только перестать кормить ее плодами с древа своего самомнения.

Сразу стало легче. Ангел-Хранитель улыбнулся. Впереди у Норы новый год продолжающейся жизни. И скорым рождественским подарком будет то, чего она искала всю жизнь, но чего никогда не было в ней самой – любви.

Любовь – не существительное и прилагательное, она – глагол: отдавать, радовать и радоваться в служении. Только бы смогла удержаться в новых вибрациях души, для которой прежде, кроме самой себя, никого не существовало. Сам Господь дарит человеку свободу волеизъявления, и никакой ангел-хранитель не уберезет, когда проявляя своеволие, человеческое эго отдает себя во власть иных сил, рискуя оказаться в запредельном.

Друг осторожно поменял положение головы Норы у себя на коленях, боясь спугнуть нечто такое, что присутствовало за ее левым плечом.

– Все будет хорошо. Ты справишься! – шептал он, тревожно отсчитывая секунды до спешившей в рождественской ночи помощи. – И я всегда рядом с тобой!

Порывы ветра стихли. Хоровод снежинок искрился в свете ярких фонарей. Поредевшие потоки людей еще омывали волнами разукрашенные ярмарочные палатки, где сотни чудных сувениров притягивали и радовали взоры. Праздник – время отдыха душам. Но при условии, что в преддверии Рождества проделана такая необходимая работа по их освобождению от суеты, страстей и очищению. Счастливы те, кому откроется понимание ответственности за все в этом мире: за себя, свои поступки и мысли, за свою жизнь, и радость пребывания в любви.